

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
ЛИТОВСКОЕ В РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
XIX–XX ВЕКОВ ◎ *Михаил Кром*

Предлагаемая статья посвящена образу Великого княжества Литовского (ВКЛ) в российской историографии XIX–XX вв. и факторам, которые влияли на изучение этой темы российскими историками. Среди этих факторов особая роль принадлежала национальной парадигме, рассматривающей историю с точки зрения нации-государства, а также имперской и позднее – советской идеологиям, наложившим отпечаток на исторические исследования, соответственно, в дореволюционной России и в СССР. Кроме того, не следует забывать и о собственной логике развития исторического знания: от романтической историографии – к профессиональным штудиям историков-позитивистов, и от «больших нарративов» – к специальным монографиям и статьям, исследующим на основе тщательно собранных источников отдельные аспекты избранной большой темы.

Ключевой вопрос можно сформулировать так: почему история ВКЛ в России не стала самостоятельным научным направлением, особой академической дисциплиной (в отличие, например, от византистики), почему там до сих пор не сложилось влиятельных научных школ по истории ВКЛ?

Но, прежде всего, полезно уточнить, что понимать под российской историографией ВКЛ: несмотря на кажущуюся ясность, содержание понятия «российская историография» применительно к истории Великого княжества представляется далеко не очевидным. Ясно, например, что отнюдь не всякое историческое сочинение, даже изданное в столице Империи на русском языке, можно отнести к российской историографии. Так, в 1857 г. в Санкт-Петербурге увидела свет книга Ф. Турчиновича – первый опыт написания истории Белоруссии¹. Следовательно, ни язык (если им был русский – официальный язык Империи), ни место публикации не могут сами по себе указывать на принадлежность автора к российской историографии. Более того, один и тот же ученый, как это видно на примере М. В. Довнар-Запольского, мог в одних своих сочинениях выступать как национальный историк и идеолог (в данном

¹ Турчинович Ф. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. Санкт-Петербург, 1857.

случае белорусский), а в других – участвовать в общеимперском историографическом дискурсе.

Таким образом, российская историография ВКЛ не поддается определению по неким формальным признакам. Настоящим критерием в данном случае могут служить принципы построения исторического нарратива: для российской историографической традиции, на мой взгляд, характерно стремление так или иначе «вписать» историю ВКЛ в историю России. Вне связи с прошлым своей собственной страны история Литвы как таковая не представляла интереса для российских ученых XIX столетия; к сожалению, такое же положение сохраняется и сейчас, в начале XXI века.

* * *

Отношение российских историков к ВКЛ на протяжении большей части XIX в. определялось противоречивым сочетанием потребностей построения национального (русского) исторического дискурса и имперской идеи. С точки зрения национальной парадигмы, ВКЛ казалось чем-то «чужим» и не вписывалось в концепции национальной русской истории. Имперские интересы, напротив, требовали «освоения» всего исторического пространства, покоренного к тому моменту правителями России.

В первом «большом нарративе» русской истории, получившем широкую известность, – в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина – «Литва», персонифицированная в образе ее правителей, выступает в качестве внешней, враждебной силы, с которой – с переменным успехом – боролись русские князья. Историограф не пожалел ярких красок для изображения Ольгерда как «жестокого злодея России»: «Немцы и шведы не тревожили Новагорода, но хищный Ольгерд устрашал его и всю Россию, непрестанно думая о завоеваниях»²; во время похода на Москву (1368) «Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях: не уступая Моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города...»³. Великий князь Витовт предстает на страницах «Истории» Карамзина не столь кровожадным, но и он по отношению к России выглядит как завоеватель: «Кроме Литвы, господствуя в лучших областях древней России, Витовт хотел похитить и самый остаток ее достояния»⁴.

Тема древнего «достояния», «похищенного» у России литовскими князьями, красной нитью проходит через повествование Карамзина. Так, сообщая

² Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 томах. Т. IV. Москва, 1992, с. 176.

³ Там же, т. V. Москва, 1993, с. 15.

⁴ Там же, с. 87.

о переходе Киева и Черниговской земли под власть Литвы, историограф восклицает: «Таким образом наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, места славных воспоминаний, где оно росло в величии под щитом Олеговым, сведало Бога истинного посредством Св. Владимира, прияло законы от Ярослава Великого и художества от Греков!»⁵ В связи с отвоеванием литовскими князьями Волыни у Польши в середине XIV в. Карамзин замечает: «С сего времени *четыре народа* спорили о древнем достоянии нашего отечества: о Галиции, Подолии и земле Волынской» (под «четырьмя народами» он имеет в виду монголов, венгров, поляков и литовцев)⁶. И в дальнейшем историк не упускает случая напомнить о «прекрасных землях, отторженных Литвою от России»⁷.

После подавления восстания 1830 г. задача «присвоения» истории Литвы, включения ее в русский исторический нарратив была осознана как насущно необходимая. Ярким примером осмысления этой имперской задачи может служить сочинение Н. Г. Устрялова «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» На поставленный вопрос историк дал вполне однозначный ответ: ВКЛ представляло собой не что иное, как «западную Русь», «половину Русского народа», около четырех веков томившуюся под «польским ярмом»⁸. В изданном годом раньше учебнике Н. Г. Устрялова утверждал: «...очевидно, что основанная Гедимином держава, под именем Великого Княжества Литовского, была чисто Русская; что не только религия, язык, гражданские уставы выражали Русский отпечаток; но и сами Князья, в глазах современников, принадлежали к владельческому дому Владимира Святого»⁹.

Но если в публичных речах и официально одобренных учебных пособиях ВКЛ с удивительной легкостью объявлялось «чисто русским» государством, то в серьезных научных трудах подобное «присвоение» истории некогда обширной державы, ставшей частью Российской империи, наталкивалось на значительные трудности.

В вышедших в 1853–1856 гг. томах «Истории России» С. М. Соловьева, посвященных событиям XIII–XVI вв., не давалось систематического изложения истории ВКЛ. При создании национального исторического нарратива вели-

⁵ Там же, т. IV, с. 125.

⁶ Там же, с. 159.

⁷ Там же, т. V, с. 33.

⁸ Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? Сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте в Главном педагогическом институте 30 декабря 1838 г. Санкт-Петербург, 1839.

⁹ Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 1. 862–1462. Санкт-Петербург, 1837, с. 281.

кий историограф следовал по стопам своего знаменитого предшественника – Карамзина: это была все та же «История государства Российского», главы которой были разделены по княжениям и царствованиям, а о Литве заходила речь только в связи со столкновениями литовских князей с князьями Северо-Восточной Руси и, позднее, московскими государями. Поэтому экскурсы в историю ВКЛ в труде Соловьева носят характер вставок и отступлений от основной темы, призванных прояснить внешнеполитический контекст обсуждаемых событий¹⁰. Интересно, что в пятом томе своей «Истории», в главе о внутреннем состоянии русского общества во время правления Ивана III, ученый дал сравнительную характеристику власти московского и литовского правителей (явно отдавая предпочтение первому из них как «самовластному» и независимому от сеймов, духовенства и вельмож), а также привел данные о положении городов, сельского населения и судоустройства в Литовской Руси¹¹. Если учесть, что главный труд Соловьева пронизан организмизмом и обнаруживает явное влияние гегелевской философии, то нетрудно понять, почему ВКЛ в его курсе русской истории отведено явно второстепенное место: Литва, с точки зрения знаменитого историка, представляла собой иной «общественный организм».

После подавления царизмом восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Западной Белоруссии были предприняты новые попытки «русификации» истории ВКЛ. Тон в этой кампании задавали царские чиновники вроде генерала П. Н. Батюшкова, официозные публицисты (как, например, К. А. Говорский – редактор выходившего в 1864–1871 гг. в Вильне «Вестника Западной России»)¹², а также идеологи из славянофильского лагеря: в первую очередь здесь нужно назвать профессора Санкт-Петербургской Духовной академии М. О. Кояловича – творца небезызвестной концепции «западнорусизма». Кояловичу принадлежала «честь» открытия особой исторической общности – «западнорусского народа», к которому он причислял и литовцев, и белорусов, и украинцев; веками этот народ страдал от польского владычества и католического гнета, а воссоединение с Россией после разделов Речи Посполитой явились для него освобождением, актом исторической справедливости и возрождением спасительного православия¹³.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3–4 // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. Москва, 1988, с. 235–237, 244–248, 260–262, 265, 268–271, 362–374, 418–430.

¹¹ Он же, с. 148, 149, 160–165, 168–169, 197–198.

¹² Об этом журнале и его редакторе см.: Каравэ Д. В. Белорусская историография в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) // Наш Радавод. Кн. 3. Ч. I. Гродно, 1991, с. 57–59.

¹³ Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. Москва, 1864.

Разумеется, сочинения, подобные «Лекциям» Кояловича, не имели собственно научного значения, и, возможно, этот памятник идеологии 60-х гг. XIX в. не стоило бы и упоминать в очерке российской историографии ВКЛ. Но историческая мысль никогда не существует в общественном и идейном вакууме. Официальный взгляд на прошлое Западного края Империи, нашедший выражение в десятках пропагандистских книг и брошюр, задавал рамки, в которых развивалась академическая наука.

Существовал явный заказ власти на «историческую правду» о беспокойных западных губерниях. Активная деятельность археографических комиссий, издание множества ценных документов стимулировали изучение учеными истории ВКЛ. Но дискурс о прошлом исчезнувшей державы канализировался системой высшего образования и науки Российской империи: местом, где читались лекции, писались монографии и защищались диссертации по истории ВКЛ, стали кафедры *русской* истории и кафедры истории *русского* права императорских университетов.

Помимо институциональных рамок изучения истории ВКЛ, существовали и терминологические рамки. Вслед за термином «Западная Русь», употреблявшимся еще в 30-х гг. (в частности, Устряловым), входит в научный оборот выражение «Литовско-Русское государство». Было бы интересно выяснить, кто и когда впервые использовал его для обозначения ВКЛ; во всяком случае, в книге М. Ф. Владимирского-Буданова «Немецкое право в Польше и Литве» (1868) оно уже встречается¹⁴. Судьбы вышеупомянутых терминов оказались различными: название «Литовско-Русское государство», получившее широкое распространение в дореволюционной литературе, вышло из употребления в советский период; зато выражение «Западная Русь» активно используется в российской историографии вплоть до настоящего времени¹⁵.

Общность терминологии – один из признаков активно формировавшегося во второй половине XIX в. в российской науке особого направления, посвященного истории ВКЛ. Не менее важна и общность исследовательских подходов: в описываемое время во всех университетах Империи господствующее положение в изучении прошлого занимала историко-юридическая, или го-

¹⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве. Санкт-Петербург, 1868, с. 109, 111, 166 и др. Ранее в учебнике русской истории Н. Г. Устрялова (1837) встретилось один раз выражение «Литовско-Русское княжество» (Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 1. 862–1462. Санкт-Петербург, 1837, с. 274).

¹⁵ Автор этих строк также не избежал влияния указанной историографической традиции: в первом издании моей книги «Меж Русью и Литвой» (Москва, 1995) термин «западно-русские земли» использовался и в подзаголовке, и в самом тексте. В новом издании книги, которое сейчас готовится к печати, этот термин последовательно заменен, в зависимости от контекста, на «земли Литовской Руси», «пограничные земли» и т. п.

сударственная, школа. Ее приметы легко обнаруживаются и в выборе тем для исследования (правовые нормы и государственные институты ВКЛ), и в тех дебатах, которые вели в 60–80-е гг. XIX в. историки и юристы относительно различных правовых «начал», якобы боровшихся между собой в жизни Великого княжества.

Примером может служить дискуссия о магдебургском праве в городах Литовской Руси, начатая книгой Владимира Буданова. Немецкое право, по мнению этого исследователя, явилось «основной причиной упадка городов юго-западного края»; оно пагубно повлияло на исконные «славянские порядки» и, в частности, разрушило связь города с землей, породив взамен былого «земского единства» сословную борьбу и оставив город беззащитным перед натиском враждебных ему внешних сил¹⁶. Иной точки зрения по этому вопросу придерживался глава киевской школы историков профессор В. Б. Антонович, полагавший, что «общинное начало» было разрушено в городах не магдебургским правом, а развитием военно-служилого сословия, выращенного литовскими князьями; грамотами же на магдебургское право князья пытались предотвратить окончательный упадок западнорусских городов, но безуспешно: это право, «выработанное на чужой почве», не было принято городским населением, оказалось нежизнеспособным¹⁷.

Но при всех различиях взглядов, которые высказывали историки по поводу городского строя ВКЛ, большинство исследователей были едины в том, что эти города, благоденствовавшие в древнерусский период, позднее в Литовском государстве, а затем в Речи Посполитой – пришли в упадок под влиянием «чуждых начал», будь то магдебургское право или «введенный» литовскими князьями феодальный строй¹⁸.

Не только в городском строе обнаруживали историки непримиримый антагонизм: политика и культура ВКЛ также представлялись им ареной борьбы противоположных сил: русского «народного начала» и польского влияния, православия и католицизма¹⁹.

¹⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве. Санкт-Петербург, 1868, с. 2, 104, 108, 119, 124, 126–127 и др.

¹⁷ Антонович В. Б. Предисловие // Архив Юго-Западной России. Ч. V. Т. I. Киев, 1869, с. 4–6, 22–26, 46–50, 56–60, 66–70.

¹⁸ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. Ч. I. История Полотска, или Северо-Западной Руси... Москва, 1872, с. 145, 151–155; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. II. Вып. I. Санкт-Петербург, 1885, с. 98–108; Стукалич В. К. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов Белоруссии. Витебск, 1894, с. 4, 12, 17, 58, 60, 62; Леонович Ф. И. Словесный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1895. № 6 (Июнь), с. 373–376; Грушевский М. С. Исторія України-Руси. Т. V. Ч. I. Львів, 1905, с. 17, 228, 233–235, 237–240 и др.

¹⁹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. Ч. I. История Полотска, или Северо-Западной Руси... Москва, 1872, с. 272–273, 275–277 и сл.; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская

Эти представления о борьбе «коренного» и «чуждого» «начал» восходят, по-видимому, к знаменитой немецкой исторической школе права, главный теоретик которой, Фридрих Карл фон Савини, полагал, что каждый правовой порядок исторически обусловлен, что право развивается органически и является выражением «народного духа» (*Volksgeist*)²⁰. Отсюда понятно, какую неразрешимую загадку для историков и юристов России второй половины XIX в. представляло собой ВКЛ – полиэтническое и поликонфессиональное государство, в котором сосуществовали различные культурные и правовые традиции. Неудивительно, что оно казалось исследователям каким-то нежизнеспособным образованием.

Но к исходу XIX столетия эти споры о «началах» остались уже позади: российская литература, как и российская историография в целом, вступила в стадию позитивизма. Это проявилось, во-первых, в резком расширении источников базы: с той поры основой изучения истории ВКЛ стали акты Литовской метрики. Во-вторых, на смену общим очеркам и широким историческим полотнам пришли монографии; стиль изложения стал более «сухим» и прагматичным. В-третьих, тематика исследований расширилась за счет социально-экономических проблем: наряду с продолжением изучения государственных институтов ВКЛ, в поле зрения ученых оказались вопросы финансовой и аграрной политики государства, положение крестьянства и т. п.²¹

Начиная с 60-х гг. XIX в. в течение примерно полувека постоянно росло число исследований по истории ВКЛ, расширялась их география, охватывая все новые и новые университетские центры Российской империи. Поначалу главным таким центром выступал Киевский университет Св. Владимира, в котором кафедру русской истории занимал (с 1878 г.) В. Б. Антонович, а кафедру истории русского права (с 1875 г.) – М. Ф. Владимирский-Буданов. Впоследствии в том же университете (с 1902 г.) преподавал М. В. Довнар-Запольский. Но уже в 90-е гг. XIX в., в первую очередь, благодаря работам

история. Т. II. Вып. I, с. 52–53, 134 и сл.; *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. I. Киев, 1885, с. 231, 240–244; *Дашкевич Н. П.* Борьба культуры и народностей в Литовско-Русском государстве в период династической унии Литвы с Польшею // *Дашкевич Н. П.* Заметки по истории литовско-русского государства. Киев, 1885, с. 101–160.

²⁰ Об исторической школе см.: *Аннерс Э.* История европейского права / Пер. со шведского. Москва, 1994, с. 298–307, особенно с. 299.

²¹ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Москва, 1901; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901; *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-русском государстве. Москва, 1917 (2-е изд. – 1958).

М. К. Любавского²², заметную роль в литуанистике стали играть ученые Московского университета. Сильная историко-юридическая школа сложилась к тому времени в Варшавском университете, где кафедру истории русского права с 1891 г. возглавлял Ф. И. Леонтович. А в начале XX в., помимо уже упомянутых выше научных центров, историей ВКЛ занимались в Харьковском (Н. А. Максимейко²³) и Юрьевском (И. И. Лаппо²⁴) университетах; в Санкт-Петербургском университете курс по истории «Западной Руси и Литовско-Русского государства» читал в 1908–1910 гг. А. Е. Пресняков²⁵. И даже в далекой Сибири, в Томске выходили труды по истории ВКЛ, принадлежавшие перу И. А. Малиновского²⁶.

Можно говорить о формировании на рубеже XIX–XX вв. в Империи профессионального сообщества исследователей ВКЛ. Оно объединяло ученых разных политических взглядов (Довнар-Запольский считался «левым», в то время как Владимирский-Буданов придерживался консервативно-монархических взглядов). Более того, среди них были основоположники формирующихся национальных историографий: украинской (Антонович) и белорусской (Довнар-Запольский). И, тем не менее, упомянутое сообщество – историографическая реальность конца XIX – начала XX вв. Все названные выше ученые принимали установленные «правила игры»: свои труды по истории ВКЛ они публиковали по-русски и, по крайней мере, открыто не протестовали против того, что история этого государства числилась в Российской империи по «ведомству» русской истории²⁷. На единство историографического

²² Имеется в виду его первая монография (*Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания I Литовского статута. Москва, 1892*), за которой последовали «Литовско-русский сейм» и другие известные работы.

²³ *Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902.*

²⁴ *Лаппо И. И. Великое Княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. Санкт-Петербург, 1901; Лаппо И. И. Великое Княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.*

²⁵ Курс был опубликован лишь спустя почти двадцать лет, уже после смерти автора: *Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. Москва, 1939.*

²⁶ *Малиновский И. А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней Руси. Ч. 2: Рада Великого Княжества Литовского. Т. 1–2. Томск, 1904, 1912.*

²⁷ От этого наднационального по сути проекта, каковым было изучение ВКЛ в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., следует отличать проекты обоснования национальных историй (в частности, украинской и белорусской), которые, как правило, излагались на соответствующих языках. В качестве яркого примера можно указать на протест Грушевского против «обычной схемы русской истории» и на издание им затем на родном языке многотомной «Истории Украины-Руси».

дискурса указывает также отмеченная выше общность терминологии и исследовательских подходов.

Важным признаком сложившегося научного сообщества обычно является полемика по дискуссионным вопросам, а также рецензии на выходящие в свет труды. Эта характеристика полностью приложима к исследователям ВКЛ на рубеже XIX–XX вв. Так, Любавский опубликовал обстоятельные критические разборы монографий Ф. И. Леонтовича (1894), Довнар-Запольского (1901, 1905) и ряда других историков Великого княжества²⁸. В свою очередь, капитальный труд Любавского «Литовско-русский сейм» (1900) вызвал отклики Лаппо и Леонтовича²⁹; в полемику с московским профессором вступил также его харьковский коллега Максимейко, также занимавшийся историей сеймов³⁰. Подобных примеров можно привести немало.

Этот академический дискурс, объединявший в начале XX в. исследователей ВКЛ из университетов Варшавы, Юрьева (ныне Тарту), Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Томска, был продуктом Империи и мог существовать только в ее институциональных рамках. Но, подчеркивая изначальную политическую ангажированность данного научного направления, импульс к развитию которого был дан царскими властями после подавления восстания 1863–1864 гг., нельзя не заметить очень серьезной эволюции, которую претерпела российская историческая литуанистика за примерно полвека своего существования. Достаточно сравнить страницы, посвященные ВКЛ в общих курсах русской истории, выходивших в XIX в. (Устрялова, Соловьева, Бестужева-Рюмина и др.), и изданный в 1910 г. «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», принадлежащий перу Любавского³¹. Первое отличие, которое сразу бросается в глаза, заключается

²⁸ См., например: *Любавский М. К.* К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве // ЖМНП. 1894. № 8 (август), с. 348–394; *Любавский М. К.* Разбор сочинения М. Довнар-Запольского «Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах». Санкт-Петербург, 1904 (отдельный оттиск из «Отчета о присуждении премий П. Н. Батюшкова»); *Любавский М. К.* М. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. Отзыв проф. М. К. Любавского. Санкт-Петербург, 1907 (оттиск из «Отчета о третьем присуждении премий П. Н. Батюшкова»).

²⁹ Большая рецензия Лаппо на эту книгу Любавского появилась в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1903, кн. 3), а отзыв Леонтовича – в «Отчете о XLV присуждении наград графа Уварова» (Санкт-Петербург, 1904).

³⁰ *Максимейко Н. А.* К вопросу о литовско-русских сеймах (ответ проф. М. Любавскому). Санкт-Петербург, 1904 (оттиск из ЖМНП за 1904 г.).

³¹ Третье издание этого труда недавно увидело свет уже в современной России: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Санкт-Петербург, 2004.

в том, что автор «Очерка», в отличие от своих маститых предшественников, не пытался «вписать» ВКЛ в рамки истории России: для него история «Литовско-Русского государства» (как он по сложившейся в России традиции называл эту державу) – «самостоятельный процесс», причем направление и результаты этого процесса, по мнению историка, были противоположны развитию Московского государства. В отличие от последнего, превратившегося в наследственную неограниченную монархию, «Великое княжество Литовское развивалось в направлении конституционализма и политической децентрализации»³².

Характерно, что и курс лекций А. Е. Преснякова, читавшийся в Санкт-Петербургском университете в 1908/09 и 1909/10 учебных годах, так же излагал историю ВКЛ как самостоятельный и цельный предмет. Таким образом, проект «присвоения» истории Литовского государства, ее «растворения» в истории России фактически потерпел фиаско. От былого замысла осталось конвенциональное название («Литовско-Русское государство») и «приписка» к кафедре русской истории.

Не менее существенные перемены произошли в содержании курса истории ВКЛ: «Очерк» Любавского может служить наглядным выражением успехов в ее изучении, достигнутых к началу XX в. Наряду с политической историей, здесь были представлены результаты исследований социальной структуры общества, центрального и местного управления, сословного представительства, финансов и т. д.

Таким образом, на пороге XX столетия ВКЛ обрело, наконец, собственную научную историю. Изданые тогда капитальные труды Любавского, Довнар-Запольского, Лаппо, Пичеты и других крупных исследователей вошли в золотой фонд литуанистики.

* * *

Гибель Российской империи привела к распаду сообщества историков, плодотворно изучавших прошлое ВКЛ в течение нескольких десятилетий, предшествовавших революции 1917 г. В дальнейшем исследование этой темы осуществлялось уже в рамках отдельных национальных историографий (литовской, польской, украинской, белорусской), но целостный образ ВКЛ был утрачен. По удачному выражению А. И. Филюшкина, «произошла фрагментация исторической памяти об этом государстве»³³.

³² Там же, с. 35.

³³ Филюшкин А. И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. 2004. № 4, с. 599.

Что же касается собственно российской историографии ВКЛ, то советский период ознаменовался почти полным прекращением исследований по этой тематике, утратой интереса к прошлому Литовской державы. Во-первых, такая ситуация стала следствием разрыва историографической традиции, исчезновения старой дореволюционной школы историков, многие из которых (включая Любавского³⁴) в начале 30-х гг. подверглись репрессиям.

Во-вторых, быстро выяснилось, что ни Российская Федерация, ни СССР в целом не претендуют на наследие ВКЛ. Великодержавная идеология, «реанимированная» уже в 30-е гг. XX в., диктовала следующую генеалогию: Киевская Русь – единое Русское государство (Московское царство) – Российская империя – СССР. Места для ВКЛ в этой схеме не нашлось.

Новая трактовка истории данного региона наглядно отразилась в очередном томе «Очерков истории СССР» периода феодализма (!), подготовленном Институтом истории АН СССР в Москве и вышедшем в год смерти Сталина (1953). Соответствующий параграф был озаглавлен «Народы Украины, Белоруссии и Литвы» и излагал историю указанных земель в XIII–XV вв.³⁵ Характерно, что государство, в состав которого входили эти территории, т. е. ВКЛ, нечасто упоминалось на страницах данного очерка, а если и упоминалось, то или в связи с отражением натиска крестоносцев, или для того, чтобы подчеркнуть «захват» украинских, белорусских и русских земель «литовскими феодалами»³⁶. ВКЛ в XIV–XV вв. характеризовалось как «феодально раздробленное государство», которое «отставало и резко отличалось от княжества Московского»³⁷.

Таким образом, если в середине и второй половине XIX в. официальный заказ царских властей состоял в том, чтобы «доказать» русское прошлое Западного края империи, то спустя сто лет уже советские ученые пытались игнорировать ВКЛ как политическое целое, давая уничижительную характеристику литовской государственности и выдвигая на первый план историю народов (прежде всего, славянских), покоренных Литвой.

Впоследствии, правда, отношение советских историков к ВКЛ несколько смягчилось, и во втором томе «Истории СССР с древнейших времен до наших

³⁴ М. К. Любавский был арестован в августе 1930 г. по сфабрикованному «Делу С. Ф. Платонова» и сослан в Уфу, где скончался в 1936 г. (см.: *Ливанова Т. Г. Матвей Кузьмич Любавский. Хроника жизни // Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 3-е изд.* Санкт-Петербург, 2004, с. 11–12).

³⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В 2 частях. Ч. II (XIV–XV вв.). Отв. ред. академик Б. Д. Греков. Москва, 1953, с. 475–574.

³⁶ Там же, с. 485–489, 492–494, 497–498, 510.

³⁷ Там же, с. 512.

дней» (очередного коллективного проекта Института истории АН СССР), изданном в 1966 г., появились параграфы об образовании ВКЛ, его социально-экономическом строе и внешней политике в XIV – первой половине XVI вв.³⁸ Но эти параграфы были настолько краткими и малоинформативными, что, по сути, научного значения не имели. Характерно, что в последующих разделах, посвященных событиям второй половины XVI – первой половины XVII вв., акцент был сделан не на государственности, а на более приоритетных для советской науки сюжетах: усилении крепостничества и крестьянско-казацких восстаниях на Украине и в Белоруссии³⁹.

Фрагментация памяти о ВКЛ, о которой шла речь выше, явилась закономерным следствием дробления историографического дискурса, когда интересы исследователей замыкались в границах национальных республик, в которых они работали. При этом вклад ученых Российской Федерации в разработку проблематики ВКЛ оказался более чем скромным. В течение нескольких десятилетий единственной монографией по этой теме, изданной в Москве, оставалась книга В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства» (1959). Этот труд был основан на широком круге источников, написанных на нескольких древних языках; автор продемонстрировал прекрасное знание предшествующей научной литературы, которую он, однако, подверг резкой критике как «буржуазную», противопоставив ей марксистский «классовый подход»⁴⁰.

Предпринятый Пашуто анализ генезиса литовского феодализма, занявший центральное место в упомянутой монографии, не получил продолжения в работах его российских коллег. Уже начиная с 60-70-х гг. XX в. советские исследователи, занимавшиеся политической историей средневековой Восточной Европы, руководствовались в своей работе не столько официально декларируемым «классовым подходом», сколько национальной парадигмой историописания. Как в свое время Соловьев, они затрагивали историю ВКЛ лишь в связи с судьбами Северо-Восточной Руси и Московского государства и, в особенности, в контексте московско-литовских отношений. В качестве примера можно указать на выдвинутый И. Б. Грековым в работах 60-70-х гг. тезис, согласно которому ВКЛ в XIV–XV вв. выступало как альтернативный по отношению к Москве центр объединения русских земель⁴¹.

³⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, 12 томах. 1-я серия. Т. II. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. Москва, 1966, с. 408–427.

³⁹ Там же, с. 431–454.

⁴⁰ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. Москва, 1959.

⁴¹ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. Москва, 1963, с. 39, 41, 79; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). Москва, 1975, с. 46–47, 223, 483–484.

Характерным памятником поздней советской историографии стала книга В. Т. Пашуто, Б. Н. Флори и А. Л. Хорошкевич «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (1982)⁴². Свойственная этой коллективной монографии тенденция проявилась уже в том, что, хотя речь в ней идет о славянских землях ВКЛ, само это государство ни в названии книги, ни в заголовках ее частей, глав и параграфов не упоминается, оно как бы остается за кадром. Возникает ощущение некоего странного, чуждого пространства, в котором волею судеб «оказались» восточнославянские народы. Более того, читателю внушается мысль, что славянское население всячески стремилось к воссоединению с Россией, и только враждебное отношение «украинских и белорусских феодалов» к соседней восточной державе тормозило этот процесс⁴³.

Эпоха «перестройки» и 1990-е гг. не изменили принципиального подхода к истории ВКЛ: «национализация» отдельных частей ВКЛ лишь усилилась и легитимизировалась с распадом СССР. В это время наблюдается некоторое повышение интереса российских исследователей к проблематике ВКЛ. Во-первых, усилилось внимание к источникам по истории этого государства и, прежде всего, Литовской метрике⁴⁴. Важно подчеркнуть, что именно в этом направлении исследований, относительно свободном от идеологических схем и догм, российским ученым легко удалось найти общий язык со своими литовскими, польскими, белорусскими и украинскими коллегами.

Во-вторых, по мере разочарования в марксистской теории и классовом анализе российские ученые заново открывали для себя наследие дореволюционной отечественной историографии. В этом отношении особенно показательна монография А. Ю. Дворниченко «Русские земли Великого княжества Литовского» (1993)⁴⁵. И в самом выборе в качестве объекта исследования

⁴² Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. Москва, 1982.

⁴³ Там же, с. 173–175. Критику концепции «воссоединения» см. в моей книге: *Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* Москва, 1995.

⁴⁴ Подробнее об источниковедческом аспекте современной российской лингвистики см.: Филионкин А. И. Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг.: проблемы, тенденции и перспективы // Вялікае княжства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглага стала «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.», Гродна (16–18 мая 2003 г.) / Рэдкал.: С. Б. Каун (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006, с. 8–10.

⁴⁵ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Санкт-Петербург, 1993.

только славянских земель ВКЛ при игнорировании роли литовской элиты и самой династии, возглавлявшей это государство, и в настороженном отношении к заимствованию правовых традиций (автор пишет о «болезненности переноса на русскую почву иноземных правовых обычаев»)⁴⁶, и в понимании эволюции общества (от общинного единства города и земли – к сословной розни) заметно влияние неоромантической историографии 60-80-х гг. XIX в. (Антоновича и др.).

Еще одна характерная тенденция 1990-х гг., на которую обратил внимание Филюшкин⁴⁷, – попытки увидеть в ВКЛ альтернативный (и в некоторых интерпретациях – лучший) вариант государственного развития, по которому могла бы пойти соседняя Россия, которая, увы, «выбрала» путь самодержавия. Наиболее полно этот образ «другой Руси», воплощенный в Великом княжестве Литовском и Русском, представил в своем популярном очерке С. В. Думин⁴⁸. В том же ряду можно назвать первые опыты (пока довольно схематичные) сравнения политических институтов и традиций ВКЛ и России, предпринятые М. Е. Бычковой и автором этих строк⁴⁹.

Но в целом приходится констатировать, что интерес современных российских историков к прошлому ВКЛ невелик. Сказывается и отсутствие собственных научных школ по этой проблематике, и справедливо отмеченная Филюшкиным «неопределенность дисциплинарной принадлежности истории ВКЛ» в современной российской системе вузовского образования и науки: эта проблематика уже не относится к специальности «история России», но и кафедры средневековой и новой истории Европы также не считают ее «своей»⁵⁰.

⁴⁶ Там же, с. 195. Подробный критический анализ книги А. Ю. Дворниченко см.: Кром М. М. Новые книги по истории славянских земель Великого княжества Литовского // Архив русской истории. Вып. 5. Москва, 1994, с. 248–253.

⁴⁷ См.: Филюшкин А. И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. 2004. № 4, с. 595–597; Филюшкин А. «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos” / Leidinj sudarė A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. Vilnius, 2008, p. 94, 104–105.

⁴⁸ Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. Москва, 1991, с. 76–126.

⁴⁹ Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. Москва, 1996 (ср. мою рецензию на эту книгу: Lithuanian Historical Studies, vol. 3, 1998, pp. 157–161); Кром М. М. Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории // Английская набережная, 4. Ежегодник, 2000. Санкт-Петербург, 2000, с. 73–100.

⁵⁰ Филюшкин А. «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos” / Leidinj sudarė A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. Vilnius, 2008, с. 112–113.

Выход из сложившейся ситуации видится, прежде всего, в развитии международных исследований по истории ВКЛ, в которых принимали бы участие и российские ученые. Представляется, что совместными усилиями ученых разных стран удастся преодолеть главное препятствие на пути к постижению феномена ВКЛ – старую парадигму национальной истории, и выработать новые подходы к изучению этого донационального, полиэтничного и поликонфессионального государства.